

ИСТОРИЯ СССР ЗА РУБЕЖОМ

ПЕРВАЯ СОВЕТСКАЯ ПЯТИЛЕТКА И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС ГЕРМАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА*

Г. РОЗЕНФЕЛЬД (ГДР)

Существенным фактором политики мирного сосуществования с капиталистическими странами, последовательно отстаиваемой Советским Союзом, являются взаимные экономические связи. Ленин неоднократно указывал на то, что торговля облегчает установление мирных отношений между Советским государством и капиталистическим окружением и затрудняет антисоветскую военную политику. Особо большое значение торговля приобрела в середине 20-х годов, когда Советский Союз взял твердый курс на социалистическую индустриализацию. Еще более важным фактором она стала в октябре 1928 г. после принятия первого пятилетнего плана, удивившего своими громадными целями весь мир. Капиталовложения в народное хозяйство должны были составить 64,5 млрд руб., из них не менее 19,1 млрд предназначались для строительства новых промышленных предприятий. Для сравнения можно указать, что за предшествующие пять лет в промышленность было вложено всего лишь 5,2 млрд. руб. Советский Союз превратился в гигантскую строительную площадку. Новые шахты закладывались в Донбассе, Кузбассе, на Урале и в Московской области. Добыча угля должна была увеличиться с 35 млн т в 1927/28 г. до 75 млн т в 1932/33 хозяйственном году. Огромные задачи ставились перед машиностроительной промышленностью, продукция которой возрастала за тот же период по отношению к производству в капиталистических странах с 4,2% в 1928 г. до 26,6% в 1931 г. или с 7% до 56,9% фактического производства США¹.

Пятилетний план предусматривал, кроме того, быстрое развитие электропромышленности, в том числе рост производства электроэнергии за счет строительства 42 новых электростанций, среди которых был и огромный ДнепрогЭС. Новые металлургические предприятия сооружались в Магнитогорске, Кривом Роге, Днепропетровске и других местах. Начиналось и преобразование всего сельского хозяйства страны путем коллективизации, курс на которую был провозглашен XV съездом ВКП(б) в конце 1927 г. Малопроизводительное мелкотоварное производство должно было уступить место современному крупному сельскохозяйственному производству, деревянная соха — трактору.

* Настоящая статья была опубликована в «Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas», Band 6, Berlin, 1962. Перевод дается с некоторыми сокращениями.

¹ П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. III, М., 1956, стр. 272.

Этот план, претворение которого должно было заложить экономический фундамент социализма, был поистине грандиозен. «По своему размаху и значению он оставлял в тени все, что до сих пор знала история», писал тогда Ллойд Джордж². Не удивительно, что многие буржуазные газеты высмеивали тогда этот план как фантастику и утопию³.

Хотя выполнение огромных задач, связанных с индустриализацией и коллективизацией сельского хозяйства, обеспечивалось исключительно усилиями и энтузиазмом советских трудящихся, однако план социалистического строительства предусматривал также тесное экономическое сотрудничество с капиталистическим миром, разумеется, при соблюдении взаимной выгоды и гарантиях от какого бы то ни было вмешательства со стороны капиталистических стран.

По этим вопросам также развернулась дискуссия среди делегатов XV съезда. Решение «О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства» категорически отвергало все попытки правого или левого уклонов, выступавших либо за неограниченные связи с капиталистическими странами, без учета вопросов внутренней политики, либо за их свертывание вообще, что тормозило бы внутреннее развитие страны. «Здесь необходимо исходить,—говорилось в решении,—из максимально широких связей, поскольку эти связи (расширение внешней торговли, иностранного кредита, концессий, привлечение иностранных технических сил и т. д.) увеличивают хозяйственную мощь Союза, делают его более независимым от капиталистического мира, расширяют социалистическую базу дальнейшего индустриального развития Союза, только в этих пределах можно говорить о максимально широких связях»⁴.

В деле социалистической индустриализации внешняя торговля Советского Союза отныне приобретала первостепенное значение как источник импорта средств производства. Как подчеркивалось в документах пятилетнего плана, план предусматривал наряду с обеспечением импорта оборудования и сырья значительное выдвигание вперед «тех импортных контингентов, которые связаны с технической помощью передовых стран и со всем комплексом культурного строительства»⁵. «Внешняя торговля служит средством использования материальных, технических и культурных ресурсов и достижений развитых капиталистических стран для социалистического строительства нашего хозяйства на базе индустриализации страны»,—подчеркивал тогда А. Микоян, возглавлявший с 1926 г. Народный комиссариат внутренней и внешней торговли⁶. Если импорт дореволюционной России почти наполовину состоял из предметов потребления, то теперь ввоз этих товаров сократился

² Цит. по кн. J. H a y d u. *Russland 1932*, Wien, 1932, S. 97.

³ «Die Deutsche Bergwerkszeitung», орган немецкой тяжелой промышленности, писал 22 августа 1929 г.: «Человек, наблюдающий за русским промышленным кризисом, который с каждым годом приближается к своей катастрофической развязке, не без любопытства заметит, какими искусственными бюрократическими мерами партийные боссы пытаются поправить дело. Весь план служит образчиком оторванного от действительности образа мыслей коммунизма, который все еще обещает рабочему классу счастье и довольство». Такой видный представитель буржуазного остфоршунга, как Отто Гётч, сомневался тогда в осуществимости плана, называя его в марте 1929 г. «утопией» («Osteuropa», 1928/29, S. 660—665). По этому вопросу см. также U. K r e t z s c h m a r. *Der Kampf in der deutschen publizistischen und historiographischen Literatur der Jahre 1917—1933 bei der Einschätzung des Aufbaus des Sozialismus in der UdSSR*, Phil. Diss. (Masch.), Halle, 1959, S. 165.

⁴ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II, М., 1954, стр. 453.

⁵ К. П. Павлов. *Роль государственной монополии внешней торговли в построении социализма в СССР 1918—1937 гг.*, М., 1960, стр. 153.

⁶ А. Микоян. *Значение экспорта в народном хозяйстве СССР*. «Энциклопедия советского экспорта», т. I, М., 1928, стр. 16.

в пользу ввоза средств производства. Советский Союз вышел на первое место в мире по импорту машин. В 1931 г. 28% всего экспорта машин из Германии, 61% экспорта английских станков, 80% польского и 40% чехословацкого экспорта черных металлов приходилось на Советский Союз⁷. В отношении ко всему ввозу средства производства составляли в 1929 г. 88,4%, а в 1932 г. — даже 89,3%⁸. Это требовало в те годы больших жертв от трудящихся Советского Союза, поскольку собственная промышленность, которая могла бы изготовлять отсутствующие в импорте средства потребления, только создавалась.

Экспорт, за счет которого должны были оплачиваться ввозимые товары, состоял из сельскохозяйственных продуктов и во все более увеличивающихся размерах из промышленного сырья. Экспорт зерна, составлявший в дореволюционной России 40% всего вывоза, в первые годы Советской власти потерял свое бывшее значение. Это положение создалось в 20-е годы не только в результате индустриализации, но прежде всего было вызвано трудностями в деревне. В 1928/29 хозяйственном году из-за недостаточного производства товарного зерна мелкими крестьянскими хозяйствами и сопротивления кулаков не только почти прекратился экспорт зерна⁹, но и возникла серьезная угроза снабжению хлебом городов и армии. Напротив, гораздо легче было получить для экспорта промышленное сырье, полуфабрикаты и топливо. Это заставляло в свою очередь увеличить в 1929/30 г. капиталовложения в лесную и нефтяную промышленность. Обе эти отрасли хозяйства, писал в октябре 1929 г. тогдашний руководитель отдела внешних сношений ВСНХ М. Гуревич, «имеют большой спрос на внешнем рынке и занимают чрезвычайно большое положение в нашем промышленном экспорте. Около 38% всего нашего экспортного плана будущего года падает на эти две отрасли промышленности»¹⁰.

Несмотря на усилия, принятые для увеличения экспорта, торговый баланс Советского Союза оставался в годы первого пятилетнего плана пассивным. Это не в последнюю очередь обуславливалось тем, что мировые цены на сырье и продукты питания упали в годы мирового кризиса больше, чем цены на средства производства, которые ввозил Советский Союз. Дефицит можно было покрыть только за счет платежей золотом, кредитов или ограничения собственного потребления. Решающим был здесь как раз последний момент.

При этом надо добавить, что, несмотря на эти неизбежные ограничения, материальный и культурный уровень жизни широких масс народа уже за несколько лет социалистического строительства оставил далеко позади уровень предреволюционной России. Все это говорит об огромном росте производительности труда. Но, разумеется, гигантские предприятия социалистической индустрии, вырвавшиеся буквально из-под земли там, где до этого шумел лес или простиралась степь, нельзя было создать в столь короткий срок без серьезных лишений со стороны трудящихся. Каждый, кому придется изучать источники тех лет, будет всякий раз восхищаться самопожертвованием и героизмом, с которым советские люди принялись за работу. Этот полный переворот в отношении человека к труду — закономерное явление рождающегося социалистического общества — поражал иностранцев, посещавших в те годы Советский Союз. «Я разговаривал с сотнями людей различных

⁷ G. Kiser. Russland vor dem zweiten Fünfjahrplan. Ergebnisse und Erfahrungen des planwirtschaftlichen Aufbaus, Wien, 1932, S. 113.

⁸ Л. И. Фрей. Внешняя торговля СССР, М., 1947, стр. 113.

⁹ Осенью 1928 г. он составлял только 139 т по сравнению с 9 181 711 т в 1913 г. и 2 016 484 т в 1925/26 хозяйственном году («Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг. Статистический обзор», М., 1960, стр. 58, 111).

¹⁰ «Торгово-промышленная газета», 1929, № 233.

профессий,— писал один из журналистов,— самых различных по своему развитию. С членами партии. С симпатизирующими. С нейтралами. И с теми, кто не скрывал своей вражды к системе. Но если речь заходила о постановлении, строительстве, плане, то ни один из них не говорил об этом иначе как: «по этому вопросу *мы* постановили...», «*мы* строим там комбинат», «*мы* добьемся этого таким-то образом». Никто не отделил себя от государства, от коллектива... Никогда я еще не видел такого безграничного счастья, как у механика одного из крекингов в Баку. Я спросил его о продовольственном положении в его кооперативе. Он презрительно махнул рукой: „Жена моя говорит, что получает слишком мало хлеба. Мясо тоже плохое. Но меня это мало тревожит. Как может быть иначе? Мы должны все вывозить, чтобы покупать машины”»¹¹.

* * *

Говоря о советско-германских экономических связях, надо прежде всего отметить, что они, как и вся политика Рапалло, развивались при постоянном сильном противодействии реакционных сил германского империализма. С переходом к политике Локарно создалась угроза того, что немецкие империалисты, усилившись с помощью западных держав и освободившись от оков Версальского договора, порвут с политикой Рапалло и выступят против Советского Союза. Действительно важнейшей целью Вильгельм-Штрассе стало продолжение политики Локарно. «Осью нашей внешней политики является то, что обычно именуют политикой Локарно,— писал статс-секретарь фон Шуберт 28 июля 1928 г. немецкому послу в Лондоне.— С того момента как была проявлена немецкая инициатива, мы понимали под этой политикой постоянное сближение между Германией и западными державами, а именно сближение на той основе, какая была заложена конкретным содержанием локарнских соглашений»¹².

Но хотя Локарно стояло в центре внешнеполитических комбинаций германского империализма, однако германские политические руководители не думали в то время, что им удастся обойтись без одновременно продолжения политики Рапалло. Тому было много причин: во-первых, немецкий империализм по-прежнему стремился использовать свои отношения с Советским Союзом для давления на западные державы. Во-вторых, будучи партнером западных держав, он еще не мог играть в совместных акциях против Советского Союза той руководящей роли, на которую претендовал; в-третьих, те выгоды, которые извлекались из экономических связей с СССР, делали нежелательным разрыв с политикой Рапалло; в-четвертых, к сохранению лояльных отношений с Советским Союзом германское правительство вынуждала настроенность широких масс немецкого народа.

Вполне понятно, почему Герберт фон Дирксен, немецкий посол в Москве в 1929—1933 гг., во многом повлиявший на развитие немецко-советских отношений, писал: «Со времени заключения рапалльского договора поддержание и упрочение дружественных договорных отношений с Советским Союзом является одним из краеугольных камней нашей послевоенной политики... Отклоняться от этой линии тем меньше оснований, что политика эта оказалась на протяжении последних лет чрезвычайно выгодной... Хорошие отношения с Советским Союзом дают нам... совершенно необходимое прикрытие с тыла и свободу действий по отношению к западным державам»¹³.

¹¹ J. H a y d u. Op. cit., S. 97.

¹² DZA Potsdam, Büro des Reichspräsidenten, № 696, Bl. 136.

¹³ Письмо Дирксена фон Круту от 1.VII. 1931 г. DZA Potsdam, Nachlass Dirksen, Bd. 7, Bl. 277.

Дирксен был всем чем угодно, только не другом социализма. Силезский помещик, воспитанный в духе прусской знати, занявший затем видное место в руководящей касте МИД, он отрицательно относился к общественному строю Советского Союза и в любой день приветствовал бы реставрацию там капитализма. Но он был достаточно умен, чтобы подобающим образом оценить роль этой огромной страны в международном балансе сил. Все это заставляло Дирксена в годы своей посольской деятельности в Москве выступать объективно за развитие добрососедских отношений между Германией и Советским Союзом. Мотивы, которыми руководствовался посол, раскрывает его письмо от 8 апреля 1930 г.— того периода, когда в Германии достигла апогея антисоветская травля¹⁴.

Дирксен пишет, что его «удивила и испугала сила антисоветской кампании в Германии», хотя эта кампания не была для него совершенной неожиданностью и хотя он вовсе «не осуждал ее категорическим образом». «Я считаю эти немецкие акции протеста и даже акции римского папы в определенных рамках весьма полезными». Дирксен тут же с осуждением пишет, что это «антисоветское движение вышло за все разумные границы», ввиду чего требуется покончить с таким безрассудством. «Мы не должны допустить того, чтобы были поколеблены основы наших отношений с Россией. Курс Рапалльского договора и берлинского соглашения должен быть сохранен по той простой причине, что предпосылки, на которых базируется эта политика, сохраняются и по сей день. Наше отношение к Западной Европе в основе своей не претерпело изменений: политика Локарно, возможно, привела к тактическому успеху, сделав нас участниками союза великих держав; однако она не достигла стратегического успеха, который дал бы нам свободу действий или полное уравнивание с Англией и Францией. При этих обстоятельствах мы не можем отказаться от той поддержки и способности к маневрированию, которую нам дает дружба с Советским Союзом»¹⁵.

В этом кратком исследовании экономических отношений между Германией и Советским Союзом в годы первой пятилетки нет возможности рассматривать детальнее различные события и аспекты, которые определяли политику Рапалло. Необходимо указать лишь на то, какими намерениями руководствовался германский империализм, ибо они определяли и основы экономических отношений Германии к СССР.

Что касается внешней политики Советского Союза, то надо еще раз подчеркнуть, что ее высшим принципом было обеспечение мира. Это соответствовало закономерностям социалистического строя, который мог успешно развиваться только в условиях мира. Естественно, что в этих целях советская дипломатия использовала существующие противоречия между империалистическими державами, прежде всего прогиворечия между Германией и версальскими победителями¹⁶. Стараясь побудить германское правительство к продолжению политики Рапалло, советская дипломатия могла опираться на указанные стремления германского правительства. Продолжение политики Рапалло было одной из самых важнейших задач в борьбе против новой военной интервенции империалистических государств.

Крайне существенным здесь было и то обстоятельство, что Германия и Советский Союз представляли собой идеальных торговых партнеров. Народный комиссар Г. В. Чичерин заявлял тогда, что «по пути развития экономических сношений с нами Германия идет впереди других европейских государств»¹⁷.

¹⁴ Письмо Дирксена В. фон Рейнбадепу от 8/IV—1930, там же, Bd. 5, Bl. 485—492.

¹⁵ Там же, Bl. 489.

¹⁶ Ср. также W. R u g e. Zur Problematik und Entstehungsgeschichte des Berliner Vertrages von 1926, «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 9 (1961; 4), S. 815.

¹⁷ «Внешняя политика СССР», сб. док., т. III, М., 1945, стр. 91.

Основными торговыми партнерами Советского Союза в годы первой пятилетки были Англия, Германия и США. В то время как Англия сохраняла ведущее положение в советском экспорте, в отношении импорта это положение заняла Германия, торговля которой с Советским Союзом опиралась на давние традиции. Сразу же после окончания первой мировой войны и установления Советской власти в России между ними были восстановлены торговые отношения. Хозяйственные связи двух этих стран особенно укрепились после заключения торгового договора 12 октября 1925 г.¹⁸ Особенно благоприятно повлияли на советско-германскую торговлю кредиты, предоставленные Германией Советскому Союзу для закупки товаров, на которые с 1926 г. распространились германские государственные гарантии по риску (*Ausfallgarantien des Reiches*). В результате этих мер были заключены до середины 1927 г. сделки на сумму 370 млн. марок, которые реализовывались вплоть до апреля 1931 г.¹⁹ И на 1928, 1929 и 1930 гг. германское министерство финансов по мере надобности гарантировало кредиты на суммы в 175 млн марок.

Различия между внешней торговлей Советского Союза и дореволюционной России сказывались и на торговых связях с Германией. СССР, ограничивая экспорт зерна в Германию, поставлял теперь преимущественно лес, марганцевую руду, нефть и другое сырье. В германском экспорте в Советский Союз главное место в годы первой пятилетки заняли стальные изделия, машины и электроаппаратура. Впрочем, Германии приходилось бороться против сильной конкуренции США, превосходивших в 1927 г. по производству машин Германию более чем в 2 раза²⁰. Черты сходства географических условий индустриализации США и СССР делали США и без того предпочтительным торговым партнером²¹. После разрыва английским правительством в 1928 г. дипломатических отношений между СССР и Великобританией советская внешняя торговля в еще большей степени ориентируется на США²². Поскольку и Франция свертывала тогда из-за антисоветской политики господствующих кругов свою торговлю с Советским Союзом, Германия и США заняли первенствующее положение во внешнеторговых связях СССР.

Но хотя США располагали в то время гораздо большими возможностями для торговли с Советским Союзом, чем Германия,— например, крупные американские фирмы могли предоставлять долгосрочные кредиты гораздо легче, чем германские фирмы,— антисоветская позиция американского правительства и стоявших за ним различных американских монополий оказывалась препятствием, наносившим ущерб американскому хозяйству²³. Эта политика американского правительства встречала, однако, в годы мирового экономического кризиса и первого пятилетнего плана противодействие все более широких американских хозяйственных кругов, требовавших дипломатического признания Советского Союза.

¹⁸ Ср. J. Kuszyński, G. Wittkowski. Die deutsch-russische Handelsbeziehungen in den letzten 150 Jahren, Berlin, 1947, S. 49.

¹⁹ DZA Potsdam. Reichswirtschaftsministerium, № 12667, Bl. 308.

²⁰ J. Saal. Strukturwandlungen des deutschen Aussenhandels nach dem Weltkrieg, Bonn, 1931, S. 112.

²¹ Теодор Драйзер, посетивший в то время Советский Союз, подчеркивал, насколько в вопросах современной техники все здесь «заколдованы Соединенными Штатами» (Th. Dreiser. Sowjetrußland, Berlin, 1929, S. 77).

²² Летом 1927 г. Микоян заявил американскому журналисту Луису Фишеру: «После разрыва с Британией должны расширяться контакты с Соединенными Штатами... Наши заказы на американское нефтяное и горное оборудование, электрооборудование, автомобили, тракторы и сельскохозяйственные машины растут из года в год» (L. Fischer. The Soviets in World Affairs, vol. 2, London, 1930, p. 763).

²³ Ср. также M. Beloff. The Foreign Policy of Soviet Russia 1929—1941, vol. 1, London, 1952, p. 30.

На заседании «Комитета по русским делам германского хозяйства», организованного немецкими монополистами осенью 1928 г. для координации экономических связей с Советским Союзом, Отто Гётч сделал доклад о своей поездке в США, где, как он подчеркнул, «некоторые ведущие промышленники и политики осознали совершенно ясно, что «русский рынок будет иметь в ближайшие годы большое значение для Америки»²⁴.

Внимание, уделяемое немецкими экономическими кругами американо-советской торговле, было не случайным, ибо они опасались растущей американской конкуренции на советском рынке. Особенно тревожным сигналом прозвучал для многих представителей германской буржуазии договор, подписанный 9 октября 1928 г. между General Electric Company и советским торговым обществом Амторг о кредите Советскому Союзу на сумму 26 млн. долларов. Надо добавить, что американцы предоставили кредиты на гораздо более благоприятных условиях, чем немцы²⁵. Договор произвел большое впечатление на АЕГ, и директор компании Феликс Дойч старался склонить американцев к совместной германо-американской деятельности на «русском рынке»²⁶.

Американо-германское сотрудничество в хозяйственных связях с Советским Союзом рекомендовалось тогда в различных сообщениях, поступавших в Министерство иностранных дел от его представителей в США. Статс-секретарь фон Шуберт вынужден был поэтому рассмотреть этот вопрос 4 января 1929 г. в обширном послании германскому посольству в Вашингтоне²⁷. Шуберт согласился с точкой зрения генерального консульства в Нью-Йорке о том, что американо-советские кредитные соглашения создают растущую угрозу для сбыта продукции немецкой промышленности в СССР. МИД настоятельно указывал на «политическую необходимость немецко-американского сотрудничества в русских делах». Следует рассчитывать на то, что американцы проявят большую заинтересованность в русских делах. «Надо неустанно стремиться к осуществлению германо-американского сотрудничества в Советской России». Хотя по этим вопросам с заинтересованными немецкими финансовыми кругами нередко велись переговоры, в ходе которых была признана необходимость подобного американо-германского сотрудничества, однако покуда не удалось достигнуть никаких практических результатов. «Особые трудности связаны прежде всего с тем, что, хотя как германские, так и американские финансовые круги готовы заключить такую сделку, однако они побаиваются взять на себя инициативу, считаясь с английскими финансовыми кругами». Шуберт, к сожалению, не разъяснял, почему следовало считаться с английскими финансовыми кругами. Очевидно, это было тесно связано с только что начавшимися переговорами по репарациям, в ходе которых Юнг предложил перераспределение германских платежей прежде всего за счет Англии. Следует также заметить, что американские капиталисты не были единодушны в этом вопросе. В то время как некоторые стояли за сотрудничество с Германией по вопросам экономических связей с Советским Союзом²⁸, другие отклоняли это сотрудничество. К последним принадлежал

²⁴ DZA Potsdam, Reichswirtschaftsministerium, № 7632, Bl. 139.

²⁵ Заказы размещались на срок в пять лет, причем кредит начислялся со дня поставки товара, а не со дня заказа, как это было с немецким кредитом.

²⁶ L. Fischer, Op. cit., vol. 2, p. 767.

²⁷ DZA Potsdam, Reichswirtschaftsministerium, № 12532, Bl. 197—200.

²⁸ Нью-йоркский публицист Айви Ли, представлявший интересы Рокфеллеров, концернов «Standard Oil», «Pennsylvania Railroad» и других монополий, сделал 11 июня 1929 г. доклад на тему: «Торговые отношения между Россией, США и Германией», выступив за германо-американское сотрудничество на советском рынке (сообщение германского генерального консульства в Нью-Йорке. См. DZA Potsdam, Auswärtiges Amt, № 4420, Bl. 21—23).

и Герберт Гувер, который еще в 1921 г. категорически высказывался против подобных планов²⁹.

О том, сколь серьезно германский МИД стремился к сотрудничеству с США, свидетельствует посылка в США в июле 1929 г. генерального консула Шлезингера, который со времен Рапалло выполнял функции эксперта МИД по русским хозяйственным вопросам. Он должен был узнать о «возможности позднейшего сотрудничества на русском рынке»³⁰.

В ответ на опасения немецких промышленных кругов, что Советское правительство отдает предпочтение США, внешнеторговые представители СССР постоянно указывали, что огромные задачи хозяйственного строительства в Советском Союзе обеспечивают всем капиталистическим странам равные возможности для выгодной торговли с Советским Союзом. М. Г. Гуревич подчеркнул осенью 1928 г., что хотя ряд отраслей промышленности СССР ориентируется на США, однако в Германии закупается больше, чем там, товаров. Впрочем, при создании тех или иных отраслей советской промышленности СССР из каждой страны получает такое оборудование, в производстве которого данная страна достигла наибольших успехов. «Мы вовсе не думаем игнорировать немецкую промышленность. Больше того, мы знаем, что, несмотря на вероятное оживление наших торговых связей с Англией и несмотря на крайне желательное и, по нашему мнению, совершенно неизбежное дальнейшее расширение наших дел с США, Германия, если она этого пожелает, сможет остаться нашим первым поставщиком промышленного оборудования... Наш спрос так велик и благодаря индустриализации растет так быстро, что хватит места для всех. Для нас решающим моментом является технический прогресс нашей собственной промышленности»³¹.

Длительное воздействие на германо-советские экономические отношения оказал грандиозный кризис, начавшийся крахом американской биржи в октябре 1929 г. и постепенно захватывавший одну капиталистическую страну за другой. Индекс мирового производства товаров упал за период с 1929 по 1932 г. со 100 до 63, а в мировой торговле до 59,5%. Спад производства и массовая безработица свидетельствовали о банкротстве капитализма. Стало очевиднее различие между осужденной на гибель капиталистической системой и устремленным в будущее социалистическим общественным строем. И как раз это сравнение двух разных экономических систем заставило многих представителей буржуазии признать в те годы обреченность капиталистического хозяйства и усомниться в его хваленой крепости. Уже в марте 1928 г. американский экономист и профессор Пенсильванского университета Рэймонд Т. Бай писал, что капитализм также должен будет воспользоваться методами социалистического планового хозяйства, «если он не хочет уступить свое место социализму»³².

Некто иной, как Дирксен, имевший в ту пору лучшие возможности для сравнения обеих экономических систем, сделал весной 1931 г., вероятно, под впечатлением первой пятилетки, любопытное признание: «Так называемая опасность большевизма велика не потому, что эта система столь уж подкупающе проста, соблазнительна и выгодна, а потому лишь, что наша капиталистическая экономическая система взглядов

²⁹ Cp. G. Rosenfeld. Sowietrussland und Deutschland 1917—1922, Berlin, 1960, S. 365 и след.

³⁰ См. письмо Дирксена из Москвы от 5.VII. 1929 г., адресат которого неизвестен (DZA Potsdam, Nachlass Dirksen, Bd. 5, Bl. 509).

³¹ «Торгово-промышленная газета», 24.X 1928 г.

³² «American Economic Review», март 1928, цит. по книге G. G r i n k o. Der Fünfjahrplan der UdSSR, Wien/Berlin, 1930, S. 2.

демонстрирует явный провал. Если капиталистической системе не удастся в ближайшем будущем вновь включить безработных в производственный процесс, и с другой стороны, доставить многие залежавшиеся товары, особенно продовольствие, в те места, где в них есть потребность, где есть массы нуждающихся, тогда эта система докажет свое внутреннее банкротство и будет заменена другой»³³.

Дальнейшее проведение политики Рапалло, на чем настаивал в своих сообщениях Дирксен, казалось германскому правительству тем более необходимым, что наступивший мировой экономический кризис грозил почти полным прекращением сбыта продукции и требовал решительного увеличения торговли с Советским Союзом. Это заставило многих представителей германского империализма, весьма отрицательно относившихся к «сделкам с Россией», изменить свои взгляды. «Немецкие империалисты убедились на собственном опыте, что печи их фабрик, которым угрожала остановка, нельзя отапливать антисоветскими речами, их трубы задымятся, лишь получив советские заказы. Это умирило их страсть к крестовому походу и привело многих вояк против Советского Союза к разуму и к московским заказам»³⁴.

В то время как капиталистическое хозяйство Германии ввиду прогрессирующего ограничения производства и увольнений рабочих переживало резкий спад, многие предприниматели возлагали надежды на Советский Союз, чья экономическая стабильность и растущая покупательная способность воспринимались как спасение от беды. Это дало новый толчок советско-германским хозяйственным связям. Быстро умножались голоса предпринимателей, которые просили государственных гарантий своих кредитных сделок с Советским Союзом.

Старый сотрудник посольства в Москве советник Густав Хильгер сообщает, что во время пребывания в отпуске в Германии в начале 30-х годов ему приходилось по целым неделям принимать людей, интересующихся возможностями торговли с СССР. В 1930 и 31-м годах с этой целью он предпринял обширное турне по всей Германии. «Только в Берлине мне довелось принимать в течение 10 дней в среднем свыше 200 представителей фирм; все они хотели знать, какие возможности предоставляет для их предприятий советский рынок»³⁵.

Растущая необходимость расширить торговые связи с СССР оказалась сильнее клеветы тогдашних антисоветских сил, кричавших о том, что Советский Союз вызовет экономический кризис на мировом рынке путем демпинга товаров³⁶. В связи с планом «Пан-Европы» Бриана одна из буржуазных газет писала, что «опасность демпинга» заставляет Европу стремиться к организации коллективной обороны. Цели, преследуемые агрессивным французским империализмом, были слишком очевидны, но уже тот факт, что доля Советского Союза в мировом экспорте составляла в 1930 г. всего лишь 1,9%, доказывает несостоятельность этих утверждений. Различные хозяйственные объединения³⁷ и многочисленные статьи в буржуазных журналах и газетах поспешили, впрочем, отмежеваться от этой «кампании по антидемпингу»³⁸.

Не принесли в то время желаемого успеха кругам, предостерегавшим от развития торговли с Советским Союзом, и их утверждения о

³³ Письмо Дирксена Вангейгейму, 14.VI.1931, DZA Potsdam Nachlass Dirksen, Bd. 4, Bl. 283.

³⁴ A. Norden. Fälscher, Berlin, 1959, S. 183.

³⁵ G. Hilger. Wir und der Kreml, Fr. a/M, 1956, S. 231.

³⁶ Ср. также Л. Григорьев, С. Оленев. Борьба СССР за мир и безопасность в Европе 1925—1933, М., 1956, стр. 95.

³⁷ Ср. A. Norden. Op. cit., S. 37, etc.

³⁸ Ср. R. Oebring. Sowiethandel und Dumpingsfrage, Berlin, 1931.

том, что такая торговля будет способствовать усилению коммунизма³⁹. Эти взгляды опровергал еще в 1926 г. (когда в Германии в связи с начавшейся в СССР индустриализацией и «кредитованием русских» впервые громко раздались подобные голоса) в своем меморандуме «Союз немецких фабрикантов машиностроения»⁴⁰.

Отто Гётч также отклонил выступления против торговли с Советским Союзом, заявив: «Если пятилетка и советская экономика одержат большие хозяйственные успехи, то возрастет и обмен с другими странами, поскольку возрастут и умножатся потребности»⁴¹. Положительную оценку следует дать и деятельности Дирксена, который в ответ на заявления о том, что не надо поощрять индустриализацию в Советском Союзе отвечал, что эту индустриализацию уже нельзя ни в коем случае остановить, в крайнем случае ее можно только замедлить, правда, утрав при этом русский рынок, который отойдет другим конкурентам. «Эти соображения,— писал он,— побуждают меня выступать со все большей настойчивостью за развитие экономической политики Германии по отношению к Советскому Союзу»⁴².

Деятельную поддержку Дирксен получил от тогдашнего министра экономики Ганса фон Раумера, возглавлявшего летом 1930 г. германскую делегацию на переговорах в Москве⁴³. Раумеру не случайно довелось играть такую роль. Будучи руководящим членом правления Центрального Союза немецкой электротехнической промышленности, он был непосредственно заинтересован в расширении торговли с СССР⁴⁴. Сразу же после возвращения из Советской страны Раумер совещался с руководителями МИД и прежде всего с министром иностранных дел Курциусом, разделявшим его взгляды⁴⁵. Раумер установил контакт и с руководящим членом Правления имперского союза германской промышленности Кастлем, рассказав ему «с воодушевлением» о своих московских впечатлениях⁴⁶. Статья в газете «Известия» от 23 декабря 1930 г., напечатанная на видном месте высказывания Раумера по поводу десятилетия плана электрификации Советского Союза, показывает, насколько ценила советская сторона его действия. Дирксен сообщил Раумеру в конце 1930 г., что он с благодарностью воспринял его деятельность по установлению более тесных советско-германских торговых отношений⁴⁷, и снова подчеркнул, что «надо с большей инициативой и мужеством вести русские дела». «Наше положение бог знает как плохо, и мы должны быть благодарны за каждую сколько-нибудь твердую возможность сбыта»⁴⁸.

Однако лишь после того, как экономический кризис еще более ухудшил положение германского хозяйства, правительство рейха и ведущие германские промышленники осознали во всем объеме возможности торговли с Советским Союзом. Для характеристики тогдашнего положения

³⁹ См., напр., K. Mainz. Die Auswirkungen des Aussenhandelsmonopols der UdSSR auf die deutsch-russischen Wirtschaftsbeziehungen, Berlin, 1930, S. 111: «Сколь бы ни было желательным нынешнее повышение сбыта для торгующих фирм и немецкого хозяйства, следует, однако, подумать, не возрастет ли Германия своей поддержкой советско-русской индустриализации такого конкурента, который через некоторое время надевает ей неприязностей».

⁴⁰ G. Kiser. Op. cit., S. 118.

⁴¹ «Die rote Wirtschaft, Probleme und Tatsachen. Ein Sammelwerk», hg. v. G. Dobbert, Königsberg, 1932, S. 9.

⁴² H. v. Dirksen. Moskau — Tokio — London, Stuttgart, 1949, S. 108.

⁴³ Ср. G. Hilger. Op. cit., S. 230.

⁴⁴ Ср. W. Hans Edler Herr zu Putlitz. Unterwegs nach Deutschland, Berlin, 1957, S. 33.

⁴⁵ См. сообщение секретаря посольства Квинга Дирксену из Министерства иностранных дел 12.VII.1930, DZA, Potsdam, Nachlass Dirksen, Bd. 7, Bl. 474.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ Ibid., Bl. 497.

⁴⁸ Ibid., Bl. 500.

дел показательно, что вплоть до осени 1930 г. «Комитет по русским делам» еще всячески тормозил торговлю с Советским Союзом, хотя среди его членов не было единодушия. Саксонский представитель Гольцендорф сообщил 27 августа 1930 г. в Дрезден, что в этом органе выявились две противостоящие друг другу точки зрения. «Председатель Русского Комитета — доктор Ганц Кремер смотрит пессимистически на все русские дела, в то время как господин фон Раумер, посетивший недавно Советский Союз, склоняется к оптимизму»⁴⁹. Но и такой человек, как Кремер, говоривший в связи с пятилеткой в Советском Союзе о «потемкинских деревнях», должен был изменить свое мнение под давлением экономической необходимости и выступить несколько месяцев позже за расширение хозяйственных связей с Советским Союзом⁵⁰.

Тиски кризиса, между тем, неумолимо душили немецкую экономику. Союз германских машиностроительных предприятий сообщил 4 ноября 1930 г. министерству экономики, что «торговля с русскими становится в настоящее время жизненной необходимостью» и что предприятия каждый день могут оказаться перед альтернативой «либо принять русские заказы, либо уволить рабочих»⁵¹. Само министерство экономики должно было констатировать в январе 1931 г.: «Ряд отраслей промышленности живет отчасти только благодаря иностранным заказам. Целые предприятия машиностроительной промышленности заняты на 80—100% выполнением русских заказов»⁵². Можно привести многочисленные свидетельства, также говорящие о значении экономических связей с Советским Союзом.

В то время как в Германии в условиях кризиса шла напряженная борьба сил, стремящихся к взаимопониманию и расширению хозяйственных связей с СССР, против реакционных и антисоветских сил, Советский Союз также предпринимал различные меры для укрепления экономических контактов с заграницей. Уже в начале 1930 г. была осуществлена реорганизация аппарата внешней торговли с целью разгрузить соответствующий народный комиссариат и торговые представительства в отдельных странах от чисто технических торговых операций, усилив централизующие и контролирующие начала в руководстве и планировании⁵³. В результате этих мер был снова создан самостоятельный Наркомат внешней торговли, а техническое осуществление торговых операций было передано специализированным экспортным и импортным учреждениям. Советская сторона придавала в связи с этим особое значение торговле с Германией. Это подтверждается тем, что в начале 1930 г. новым руководителем торгового представительства в Берлине был назначен заместитель народного комиссара торговли И. Любимов, сохранивший и свой старый пост. Дирксен писал ввиду этого о стремлении Советского правительства «укрепить руководящие органы в Берлине»⁵⁴.

Советское торговое представительство в Берлине становилось одновременно центральным руководящим органом для всех советских торговых представительств Средней и Западной Европы. Наконец, следует отметить, что в 1930 г. послом в Берлине был назначен Г. Хинчук, эксперт по экономическим вопросам, который был до того руководителем основанной в 1927 г. в Советском Союзе Торговой палаты и который развил бурную деятельность по укреплению советско-германских экономических связей.

⁴⁹ LHA Dresden, Gesandtschaft Berlin, N 1330, Bl. 117.

⁵⁰ Cp. J. Kuczynski, G. Wittkowski. Op. cit., S. 75.

⁵¹ DZA Potsdam, Reichswirtschaftsministerium, № 12663, Bl. 297.

⁵² Ibid., № 12665, Bl. 178.

⁵³ Л. И. Фрей. Указ. соч., стр. 106 и далее.

⁵⁴ DZA Potsdam, Nachlass Dirksen, Bd. 5, Bl. 309.

Переговоры, которые велись между СССР и Германией о предоставлении дополнительных кредитов, а тем самым и расширении торговых отношений, показали, что германские правительственные органы проявляли большую сдержанность в вопросе о расширении кредитных сделок. Они постоянно ссылались на большой риск, которому де подвергается рейх, гарантируя кредитные сделки с Советским Союзом. Так, например, в записи министерства экономики по этому вопросу говорится: «Финансовое положение тем временем еще более ухудшится, ибо с крахом СССР Германии придется пережить тяжелые общие потрясения хозяйственного, а прежде всего финансового характера...»⁵⁵. Дирксен в своем послании от 25 ноября 1930 г. точно также крайне пессимистически высказывался о финансовом положении СССР, заявляя при этом, что «пассивность торгового баланса дает повод к известным опасениям»⁵⁶. Это в свою очередь еще более укрепило господствующую в Берлине точку зрения. Раумер, изменив свою обычную позицию, также проявлял пессимизм, сообщив Дирксену 23 октября 1930 г., что «в переговорах с Россией наступило затишье» и что гарантии предоставлены «на такую сумму», которая побуждает к «сдержанности». «Мы гарантировали сделки на 400 млн. марок. По меньшей мере на такую сумму заключены негарантированные сделки. Но как там пойдут дела? Кто может судить об этом?»⁵⁷.

Конечно, трудящиеся Советского Союза, борясь за выполнение великих задач первого пятилетнего плана, вели полную лишений суровую жизнь, в государственном бюджете была на счету каждая копейка. Если буржуазные политики делали отсюда вывод о возможности экономического краха Советского Союза, то это только показывает, что они никак не могли понять существа советской экономики и пятилетнего плана. 13 марта 1931 г. «Известия» писали: «Причина колебаний германской буржуазии в вопросе о дальнейших перспективах отношений с Советским Союзом заключается в непонимании значения пятилетки для развития хозяйственных связей между СССР и другими странами, в частности Германией. Грубая ошибка, допущенная германскими политиками на протяжении двух последних лет, заключается в том, что они не оценили значения индустриализации Советского Союза, социалистической реконструкции его народного хозяйства, укрепления его экономической мощи с точки зрения роста экономического сотрудничества между СССР и Германией».

В связи с этим Советский Союз, разобравшись в ситуации, созданной экономическим кризисом в Германии, принял в начале 1931 г. решение пригласить в СССР ведущих германских промышленников. Они должны были на месте убедиться в возможностях германо-советского экономического сотрудничества. Соответствующее предложение было передано в январе 1931 г. Хинчуком Министерству иностранных дел в Берлине⁵⁸. Одновременно многим крупным промышленникам были направлены личные приглашения посетить Советский Союз.

В то время как «дипломатические органы с явной неохотой узнали об этих событиях», приглашение нашло широкий отклик у промышленников, переживавших суровый кризис. Они не замедлили воспользоваться приглашением и уже 26 февраля в Советский Союз отправилась делегация под руководством угольного и стального магната Петера Клэкснера. Имена членов делегации — генерального директора доктора Борбета (от Vereinigten Stahlwerken), Конрада фон Борзига и советника торговли Буша (от Hoffman — Busch — Werken), генерального директо-

⁵⁵ DZA Potsdam, Reichswirtschaftsministerium, № 12644, Bl. 310.

⁵⁶ Ibid., № 12532, Bl. 110.

⁵⁷ DZA Potsdam, Nachlass Dirksen, Bd. 7, Bl. 505.

⁵⁸ Cp. E. Becker. Deutschland und die Sowjetunion (Ende 1928 — Ende 1932). Diplomarbeit, Humboldt — Universität, Berlin, 1957, S. 35.

ра Пёнзгена (от Vereinigten Stahlwerken), доктора Клёцбаха (от Krupp AG) — показывают, что речь шла о настоящем «совете богов» германской тяжелой промышленности. Делегация находилась в Советском Союзе с 28 февраля по 9 марта; она провела торговые переговоры в Москве, посетила различные советские промышленные предприятия и совершила двухдневную поездку в Ленинград. С советской стороны переговорами руководил председатель ВСНХ Г. К. Орджоникидзе.

Советское правительство достигло цели, направив свое приглашение, ибо немецкие крупные промышленники были явно поражены результатами созидательной работы в Советском Союзе и сделанными им предложениями. Как свидетельствует Дирксен, у промышленников создалось мнение, что «их торговые партнеры — чрезвычайно серьезные люди, что работа здесь ведется с огромной волей, великим идеализмом и серьезностью и что показанные достижения (при посещении заводов и т. д.), не будучи потрясающе хорошими или потрясающе плохими, являются все же весьма впечатляющими»⁵⁹.

Уже в день прибытия немецких гостей Орджоникидзе познакомил их с советскими предложениями⁶⁰. Он подчеркнул, что правительство СССР придает первостепенное значение двум моментам: первое — непосредственным связям ВСНХ с немецкими поставщиками и второе, но весьма существенное — возможно большей стабильности и длительности обоюдных торговых сделок. Суть его предложений была такова: «Мы знаем немецкую промышленность, нам известна ее техническая способность и качество ее продукции. Тщательно рассмотрев технические возможности германской промышленности и потребности советской промышленности, я пришел к выводу, что смогу разместить у вас заказы на оборудование различного вида и полуфабрикаты (особенно черные металлы) на сумму 500—800 млн марок в этом году и на не меньшую сумму на 1932/33 г., что составит за три года 1,5—2,5 млрд марок. В 1930 г. мы распределили в Германии заказы на 400 млн марок. Мы можем по крайней мере удвоить годовой объем заказов германской промышленности, а может быть и еще более увеличить его»⁶¹.

Речь шла, таким образом, о чрезвычайно крупных заказах со стороны Советского Союза. Они могли на долгое время обеспечить работой предприятия промышленников, приехавших в Москву. Но, впрочем, немаловажную роль играли и условия платежа. На заседании 1 марта Орджоникидзе заявил, что существующие сроки платежа слишком сжаты⁶², во всяком случае для таких больших заказов, Клёкнер же указал на трудности финансирования кредитов и подчеркнул сдержанную позицию зарубежных банков⁶³. Обсуждение, казалось, зашло с самого начала в тупик. Орджоникидзе еще раз подчеркнул, что объем советских заказов зависит от срока платежей. Если немецкая сторона не сможет согласиться на продление сроков, размещать дальнейшие заказы в Германии станет невозможным. В то же время он мог бы заказать уже в текущем году 500 тыс.—700 тыс. т прокатного оборудования. Клёкнер вновь возразил, что более длительные сроки платежа не могут быть приняты. «Стало совершенно очевидным, — говорится в соответствующем сообщении немецкого посольства в Москве. — что это заявление германской делегации вызвало глубокое разочарование у здешних хозяйственных руководителей»⁶⁴.

⁵⁹ DZA Potsdam, Nachlass Dirksen, Bd. 52, Bl. 107.

⁶⁰ DZA Potsdam, Reichswirtschaftsministerium, № 12665.

⁶¹ Ibid., Bl. 11.

⁶² Ibid., Bl. 19.

⁶³ Ibid., Bl. 20.

⁶⁴ Ibid., № 12664, Bl. 348.

Однако следующие дни привели к быстрым сдвигам в переговорах. Очевидно, германским промышленникам помогло впечатление, полученное от успехов строительства в Советском Союзе. В переговорах 5 марта, в которых с советской стороны участвовали Орджоникидзе, Косиор, Пятаков и Биткер, а с немецкой — Клёкнер, Кётген, Клёцбах и Пёнзген, наметилось сближение сторон⁶⁵. Речь шла в особенности о первоначальном взносе и предельных сроках кредитов⁶⁶. В последующие дни было достигнуто согласие, зафиксированное в совместном коммюнике от 9 марта. «По обоюдному соглашению было установлено, что возможно большая стабильность экономических взаимоотношений послужит наилучшей основой дальнейшего расширения хозяйственных взаимоотношений, благодаря этому удастся установить непрерывность поставок»⁶⁷.

Переговоры Советского правительства с германскими промышленниками были продолжены месяц спустя в Берлине. С советской стороны в них участвовали Пятаков, Любимов и Биткер, с немецкой стороны — Кремер, Кётген и Ройтер. Соглашение от 14 апреля устанавливало, что Советский Союз разместит до 31 августа среди германских фирм дополнительные заказы на сумму 300 млн марок. Что касается условий платежа, то было достигнуто согласие об уплате задатка в размере 20% общей суммы и предельном сроке кредита продолжительностью 28,8 месяцев.

Уже 24 марта 1931 г. имперский кабинет решил «в рамках имеющих гарантийных полномочий и на основе существующих предписаний поручиться за риск (*mit der Ausfallfürgschaft zu versehen*) торговых поставок Советскому Союзу, которые были согласованы германскими промышленниками в Москве на известных кабинету условиях»⁶⁸.

Личные контакты, установленные германскими промышленниками с Советским правительством, и достигнутое в результате их соглашение о поставках привели к существенным сдвигам в двусторонних экономических связях. В условиях кризиса новые заказы получили германские предприятия тяжелой индустрии, электропромышленности и машиностроения. Тем самым были обеспечены работой около 250 тыс. человек⁶⁹. По сравнению с предыдущим годом советские заказы в Германии возросли на 62,3%. Все это убедительно доказывает, сколь велики были выгоды экономического сотрудничества для обеих стран. Советник германского посольства в СССР Хенке писал Дирксену о «действительном успехе», которым увенчалось путешествие промышленников, и подчеркивал, что «некоторые из самых решительных противников нашей политики в России убедились на месте в том, что есть только одна возможность — сотрудничать с Советским Союзом»⁷⁰.

Разумеется, и реакционные силы не бездействовали. Они пытались воспрепятствовать расширению экономических связей с Советским Союзом. Это относится прежде всего к крупным германским аграриям, которые по-прежнему прикрывались лозунгом «советского демпинга». Небезынтересно отметить, что Густав Штольпер — издатель газеты «*Deutscher Volkswirt*», депутат Германской демократической партии и единомышленник Теодора Хойса, резко осудил поездку промышленников. «Откровенно говоря, мы здесь не в восторге от того, что цвет наших промышленников принял участие в этой поездке», — писал он Дирксену, — так как она грозит «опасным ослаблением гражданского

⁶⁵ Ibid., № 12665, Bl. 25, etc.

⁶⁶ Ibid.

⁶⁷ «Известия», 10 марта 1931 г.

⁶⁸ DZA Potsdam, Reichswirtschaftsministerium, № 12665, Bl. 59.

⁶⁹ «Die Rote Fahne», 15.IV.1931.

⁷⁰ DZA Potsdam, Nachlass Dirksen, Bd. 7, Bl. 192.

авторитета» и «нежелательным усилением московского режима»⁷¹. Следует упомянуть здесь и о тогдашней позиции Брюнинга, который, пытаясь достичь компромисса с Францией, отрицательно относился к разрыву хозяйственных связей с Советским Союзом и с таким же неодобрением встретил опубликование соглашений о продлении берлинского договора⁷².

Если первый кабинет Брюнинга взял резко реакционный курс, то образованный им в октябре 1931 г. второй кабинет еще в большей степени, чем первый, склонялся в своей внутренней и внешней политике к грядущей фашистской диктатуре. Силы реакции, объединившиеся в октябре 1931 г. в Гарцбургском фронте, стали настойчиво выступать против политики Рапалло, особенно в связи с тогдашними советско-польскими переговорами о ненападении (пакт был парафирован 25 января 1932 г.). Они обосновывали свои действия тем, что польско-советский пакт о ненападении затруднит требуемую ими ревизию германской восточной границы.

Особое значение для оформления торговой политики правительства Брюнинга в отношении Советского Союза имели, однако, переговоры по репарациям, которые велись с западными державами. Уже на заседании межминистерского комитета 23 июля 1931 г., где обсуждался вопрос о предоставлении дополнительных имперских гарантий, присутствующие там представители имперского правительства заявили: «На конференции в Лондоне рейху были предъявлены претензии по поводу того, что он снова проявил готовность дать такие большие гарантии русским». 19 декабря 1931 г. саксонский посол сообщал из Берлина в Дрезден, что «дело с предоставлением дальнейших гарантий русским» снова ухудшилось⁷³. «Имперское правительство питает сомнения самого различного рода. Прежде всего опасаются, что ему будут предъявлены претензии со стороны государств-кредиторов, если, с одной стороны, Германия будет заявлять, что она неспособна осуществлять платежи, а с другой стороны, будет предоставлять дальнейшие большие кредиты России». К тому же, снова подчеркивал далее посол, до сего времени советско-германские хозяйственные переговоры не смогли укрепить советскую платежеспособность. От более значительного ввоза изделий лесной промышленности пришлось отказаться, «имея в виду положение германского хозяйства». «Увеличение ввоза зерна наталкивается на сопротивление германских аграриев... При таком положении дел имперское правительство думает соблюдать крайнюю осторожность при предоставлении дальнейших гарантий»⁷⁴. Действительно, германские лесопромышленники и юнкера стремились в то время прекратить ввоз советского леса и зерна, угрожавший их прибылям⁷⁵.

Однако, несмотря на это сопротивление, германо-советские экономические связи и в 1932 г. были весьма значительными по объему. По настоянию кругов, связанных с тяжелой индустрией, имперский министр экономики в конце 1931 г. высказался за дальнейшее поручительство со стороны рейха⁷⁶. Впрочем, надо отметить, что за это поручительство никогда не приходилось расплачиваться, поскольку Советский Союз всегда пунктуально оплачивал свои кредитные долги⁷⁷. Одновременно

⁷¹ Ibid., Bd. 52, Bl. 102.

⁷² H. v. Dirksen. Op. cit., S. 116.

⁷³ Сообщение саксонского посла в Берлине от 23.VII.1931 г. LNA Dresden, Gesandtschaft Berlin, № 1336, Bl. 128.

⁷⁴ Ibid.

⁷⁵ Cp. J. Sisa-Boross. Sowjetholz und deutscher Markt, in: «Sowjetwirtschaft und Aussenhandel» (1931; 14), S. 11 и сл.

⁷⁶ Cp. E. Becker. Op. cit., S. 46.

⁷⁷ Это специально подчеркивает записка Восточного отдела Министерства иностранных дел от 4 июня 1932 г. См. DZA Potsdam, Nachlass Dirksen, Bd. 50, Bl. 220.

германская сторона уведомила, что она учтет необходимость увеличения советского экспорта. Это касается, впрочем, уже германо-советского протокола, который был подписан 22 декабря 1931 г. и ратифицирован в мае 1932 г. Соглашение о платежах от 6 мая 1932 г., таможенное соглашение от 28 мая и дополнительное кредитное соглашение от 15 июня 1932 г. способствовали дальнейшему развитию экономических связей между Германией и Советским Союзом. Результаты этих соглашений ощущались прежде всего предприятиями металлообрабатывающей промышленности. «Стальная индустрия живет заказами русских», писала газета «Berliner Börsenkurier» 7 июня 1932 г.⁷⁸

Однако 1932 г. оказался кульминационным пунктом в советско-германских экономических связях, которые впоследствии, если не считать временных улучшений, стали клониться к упадку. Правда Советский Союз ввиду пассивности своего торгового баланса был принужден вплоть до середины 1930-х годов вообще ограничивать ввоз. Однако сравнение общих размеров внешнеторговых операций Советского Союза с объемом тогдашней советско-германской торговли доказывает, что последняя свертывалась гораздо более быстрыми темпами, чем это соответствовало общей тенденции советской внешней торговли⁷⁹.

Захват власти германскими фашистами означал конец периода Рапалло и в экономической сфере. В сообщении немецкого посольства из Москвы от 30 октября 1933 г. говорилось: «Нынешний кризис во взаимных отношениях усилился тем, что и экономические связи не могли получить в этом году подспорья со стороны политики»⁸⁰.

Хотя социалистическое строительство в Советском Союзе в дальнейшем создавало все условия для экономического сотрудничества, однако эти возможности не только не были использованы германским хозяйством, но и систематически отвергались гитлеровским правительством. Может показаться парадоксальным, что те самые круги германского монополистического капитала, которые, как мы видели, отлично зарабатывали на торговле с Советским Союзом, посадили в седло Гитлера и таким образом сами развязали антисоветский курс во внешней политике германского империализма. Здесь действовал чистый расчет: Гитлер должен был обеспечить «дело» еще большего размаха. Расчетам этим, впрочем, не суждено было сбыться.

⁷⁸ J. Kuszyński, G. Wittkowski. Op. cit., S. 77.

⁷⁹ Ibid., S. 101, etc.

⁸⁰ LNA Dresden, Gesandtschaft Berlin, № 279, Bl. 255b.